

По деревенскому обычаю, когда гэ-эр или девушка и сторона жениха договаривались о дне помолвки, мужчина должен был устроить обед знакомства для будущих родственников.

Считалось, что если родня со стороны невесты или гэ-эра «узнала дом», то в случае обиды или нужды семья всегда сможет заступиться за своего ребёнка, а братья придут и проучат обидчика.

Так что этот обед был своего рода обещанием и залогом безопасности.

Если семья жениха открыто приглашала гостей, это подтверждало серьёзность их намерений и честность помыслов.

Деревня Сяова была неподалеку от Лофэна – пятнадцать минут пешком.

Будущий супруг Фан Цзиня был из семьи Е; звали его Е Юньчжу. В его деревне семья Е считалась большой и крепкой.

У Юньчжу было пятеро родных братьев и сестер: три старших брата и старшая сестра. Он был самым младшим ребёнком и к тому же гэ-эром, так что с детства рос в любви и заботе.

В семье Е из поколения в поколение царил согласие, поэтому и двоюродные братья и сестры были очень близки.

Сегодня одни только кузены Е Юньчжу заняли целый стол.

Фан Наньшань тихонько шепнул на ухо Сюй Шэнъи:

— Помяни мое слово, этот гэ-эр из семьи Е быстро приструнит моего старшего брата.

Сюй Шэнъи посмотрел на стол, за которым сидели крепкие мужчины, и подумал: «Если он его не приструнит, то, боюсь, его самого каждый день колотить будут».

— Кажется, гэ-эр из семьи Е ещё совсем молод, а родители его уже в годах, — заметил он.

Фан Наньшань кивнул:

— Брат говорил, что старики Е поздно его родили, поэтому между ним и его братьями-сестрами такая большая разница в возрасте.

Сюй Шэнъи украдкой поглядывал на Е Юньчжу. Того усадили рядом с Фан Цзином, и он с кротким видом слушал наставления старших.

Сразу было видно ребёнка, выросшего в ласке.

Сватовством занималась Цао Фэн, так что сегодня она выступала и в роли свахи.

Подняв чарку, она произнесла:

— Наши семьи давно знают друг друга. Пусть у моего Фан Цзиня нет матери, а отец что есть, что нет – всё одно, но у него есть я. Обещаю вам, семье Е, что возьму на себя все заботы свекрови и не дам гэ-эру Чжу и слова дурного в этом доме услышать.

Родители Е были людьми рассудительными – это было понятно уже по тому, что они не стали придирается к семейному положению Фан Цзиня.

Отец Е с улыбкой выпил с Цао Фэн.

Затем он поднес чарку старой госпоже Чжао:

— Мой младший сын ещё мал, мы его, признаться, баловали. Прошу вас, тетушка, будьте к нему снисходительны.

Глаза госпожи Чжао превратились в узкие щелочки от улыбки:

— Сегодня я позволю себе называть тебя племянником. Будьте спокойны, Гэ-эр Чжу в нашем доме будет окружен заботой, не заставим мы его тяжким трудом заниматься.

Мать Е, улыбаясь, поднялась с места:

— Ну что вы, тетушка. Гэ-эр Чжу, как войдет в дом, должен будет и хозяйство вести, и за младшими приглядывать.

От этих слов госпожа Чжао заулыбалась ещё шире.

Пока старшие обменивались любезностями и тостами, за столом молодежи уже вовсю шло братание.

Фан Наньшань, как мужчина дома, должен был развлекать гостей.

В семье Е слышали о том, что Фан Наньшань стал примаком, и думали, что, попав в богатый дом, он забудет родню.

Но никто не ожидал, что он сегодня приведет с собой супруга.

К тому же этот супруг оказался на редкость общительным – ни тени высокомерия, он легко нашёл общий язык со всеми братьями и сестрами.

В семье Е боялись, что с таким «дорогим» зятем будет трудно ладить.

Но теперь стало ясно, что беспокоиться не о чем.

Раз даже младшая сестренка Фан так к нему льнет, значит, человек он хороший.

Поскольку со стороны Е пришло много братьев, Фан Цзинь позвал на подмогу нескольких своих верных друзей.

После нескольких кругов тостов все, как один, изрядно захмелели.

Фан Наньшань пить умел, но и у него уже поплыло перед глазами. Обойдя всех с чаркой, он присел рядом с Сюй Шэнъи и замер.

Фан Инъэр сказала:

— Сяо-гэ, второй брат совсем пьяный.

Сюй Шэнъи с улыбкой тронул Фан Наньшаня за плечо:

— Опьянел?

Тот честно кивнул:

— Братья моего зятя горазды выпить. В голове и впрямь зашумело.

Сюй Шэнъи не сдержал смешка, глядя, как тот трет глаза.

Он хотел было предложить ему незаметно ускользнуть и прилечь, как вдруг заметил на себе взгляд Е Юньчжу.

Сюй Шэнъи приветливо кивнул ему.

Е Юньчжу на мгновение замер, а затем поднялся и подсел к нему.

— Здравствуй. Меня зовут Е Юньчжу. Матушка сказала, что теперь мы одна семья.

Сюй Шэнъи ответил:

— Называй меня просто Шэнъи.

Е Юньчжу прищурился от улыбки:

— Я заходил в твою винокурню за вином. Ваше сливовое вино очень вкусное.

— Тогда через пару дней я велю работникам прислать тебе пару кувшинов, — тут же пообещал Сюй Шэнъи.

Е Юньчжу не стал чиниться и просто кивнул в знак согласия.

Сюй Шэнъи понравилась его прямота, и он с удовольствием продолжил беседу.

Фан Инъэр, видя, что оба её зятя такие простые и добрые люди, была вне себя от радости.

Они весело болтали за маленьким столиком.

Глядя на это, обе семьи чувствовали облегчение и радость.

Застолье затянулось до второй половины дня. Лишь когда гостей проводили, Фан Наньшань смог наконец поговорить с мужем.

— Ну как? Гэ-эр Чжу ведь бесхитростный, правда? С ним легко ладить?

Сюй Шэнъи не ожидал такого вопроса и переспросил:

— А как это – с «хитрым умыслом»?

Фан Наньшань легонько коснулся его лба:

— Вот как ты – это и называется «с умыслом». В обед столько вкусностей было, а ты к палочкам почти не притрагивался. Только уши грел, слушал всех, а сам наверняка в голове каждого по косточкам разбирал.

Сюй Шэнъи опешил и возразил:

— Ты всё выдумываешь.

Фан Наньшань хохотнул:

— Выдумываю я или нет, а ты всю семью Е насквозь увидел.

Поняв, что его раскусили, Сюй Шэнъи замолчал.

Погодя немного, он вдруг спросил:

— Тебе что, нравятся только простодушные?

Фан Наньшань сжал его руку:

— Мне нравишься ты, и больше ничего не важно.

Сюй Шэнъи чуть смутился, но не остался в долгу:

— У тебя самого умысла не меньше. Пил со всеми, а сам за мной подсматривал.

— Я боялся, что еда тебе не по вкусу, вот и приглядывал, — оправдался Фан Наньшань. — Кто же знал, что у тебя глаза так и бегают, каждое слово ловишь да обдумываешь.

— Ладно, признаю, — согласился Сюй Шэнъи. — Я хитрый и расчетливый, не чета тебе.

Фан Наньшань огляделся. Видя, что домашние заняты уборкой столов, он украдкой сжал пальцы мужа.

— Я к тому, что когда надо есть – надо есть. Какими бы ни были другие люди, к нам это мало относится. Лишние думы только силы отнимают, оно того не стоит.

Сюй Шэнъи поднял на него глаза.

Лицо Фан Наньшаня сияло такой искренностью, что он сам себе показался мелочным.

Он поднялся:

— Не буду больше с тобой говорить. Пойду к Инъэр, она обещала отвести меня к Чжоу, кроликов показать.

Фан Наньшань снова рассмеялся:

— Иди, погуляй хорошенько. Отдохни эти несколько дней.

Раз муж сказал отдыхать, Сюй Шэнъи действительно остался в деревне Лофэн на три дня.

Всё это время Фан Инъэр водила его по деревне. Каждому встречному она с гордостью заявляла, что это её сяо-гэ.

Эти дни стали для Сюй Шэнъи настоящей отдушиной. Госпожа Чжао и Цао Фэн оказались добрыми и заботливыми старшими.

Общение с ними подарило ему чувство семейного тепла, которого он давно не знал.

К тому же деревенские жители были простодушны и открыты – стоило перекинуться парой слов, как они выкладывали все местные новости и сплетни.

Сюй Шэнъи казалось, что останься он ещё на пару дней – и он будет знать подноготную каждого дома в этой деревне.

Он уже давно не чувствовал себя так беззаботно. Время летело незаметно, принося покой и умиротворение.

Но такая идиллия не могла длиться вечно.

Утром четвертого дня в дом вбежал запыхавшийся работник винокурни.

Он сообщил тревожную весть: на складе беда, почти две тысячи цзиней зерна залило водой, и оно начало плесневеть.

<http://bllate.org/book/19020/1869938>